

Кризис-2016: чьи "рецепты спасения" сработают?

Прямой эфир: 15 апр. 2016 г.

<https://www.youtube.com/watch?v=QopaXvWfPlk>

Гость программы «Точка зрения» – директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН Руслан Гринберг. В начале марта российское правительство приняло антикризисный план на 2016 год. На что в нем делаются ставки? Куда предполагается направить «спасительные» 470 млрд рублей и эффективны ли эти направления? Удастся ли обуздать инфляцию и остановить сползание населения в бедность? Облегчит ли жизнь россиянам долгожданный план-2016?

ХХ: Здравствуйте, уважаемые зрители, в эфире передача «Точка зрения». Сегодня мы поговорим об антикризисном плане Правительства и тех мерах, которые сейчас принимаются в плане борьбы с кризисом и возможно те, которые надо принять. И в гостях в нашей студии сегодня Руслан Гринберг – научный руководитель Института экономики РАН.

Здравствуйте, Руслан Семенович, скажите, пожалуйста, в какой все-таки мы фазе кризиса и можно ли ее определить? Потому что каждый день читаешь новости, обязательно кто-нибудь из известных экономистов или чиновников скажет: «дно кризиса пройдено». Через час какой-нибудь другой чиновник, или политик, или экономист скажет, что сейчас ситуация плоха как никогда, через час еще предрекут «экономический рост взрывной в конце года», еще через час предрекут стагнацию или откат. Вот что это за тенденции, чему верить?

Р.Г.: ну, важен СМИ называется «Правда.ru»? Если серьезно говорить, смотрите, есть ведь процесс. Процесс может идти либо в сторону повышения, либо в сторону понижения, либо он застыл. Вчера Владимир Путин сказал, что у нас серая полоса. У нас есть черная полоса, мы знаем это, светлая, когда он говорил о серой полосе, в переводе на более точный язык – это

означает моль не падает и не растет, то есть речь идет о стагнации, застое, помнит, у нас застой был? Но вот он у нас пока маленький, то есть коротенький еще застой, но он может, как говорится, затянуться. Все будет зависеть от того, что Правительство будет делать.

ХХ: Правительство в начале марта приняло документ, я не помню точно он план называется или список мер, но, по крайней мере, пути выхода из кризиса в нем какие-то намечались, отрасли, которые надо вытягивать в первую очередь и т.д. вот это можно считать каким-то программным?

Р.Г.: На самом деле, смотрите, если бы мы с Вами тоже правили страной, если мы видим, что находимся в таком стагнационном положении, а может даже в рецессии, рецессия – это спад, в прошлом году у нас было 3,7, в этом году может быть 1,5 будет тоже минус, это очень грустно, потому что наши соседи, ну если не соседи, то партнеры, на Западе, с левой стороны у нас, если на карту посмотреть, Европа – все-таки там рост, какой-никакой, там они тоже недовольны, вялый и справа Китай. Приличный рост – 6,5%, хотя для них это плохо, потому что у них население на столько же растет, то есть в этом смысле тоже стагнация. А у нас падение, и это неприятно. И конечно же, если посмотреть на то, что делает Правительство, то оно борется за выживание экономики, если какую-то метафору придумать, ну «тушение пожара» то там, то здесь. И это логично, ничего здесь не сделаешь, но это опасно в том смысле, что если вы только этим будете заниматься, текущими задачами, то, конечно, можно упустить будущее, поскольку мы все чего-то ждем: бизнес ждет, чиновники ждут, тем более у нас ручное управление; мы ждем, что скажет Президент – тогда начинаем работать. Вот сегодня рассказывают всякие истории про то, что чиновники зашевелились, что тогда надо каждый день встречаться Президенту с народом. В общем, есть два подхода что ли среди экономистов, экспертов и политиков даже, они тоже друг с другом не согласны. Ну что значит политиков, я имею в виду высших чиновников, в свое время говорил один деятель, еще Борис Николаевич правил страной, ну кто-то что-то начал говорить политики там, он говорит:

политик у нас один, все остальные должны работать. И у нас тоже в этом смысле можно сказать: политик, но он вроде один и работает, потому что другие ждут, что он скажет, что порекомендует. Вообще-то говоря, в Правительстве, я это хочу подчеркнуть, есть два подхода к жизни: первое – это улучшать инвестиционный климат, мы это давно слышим и в тучные годы, речь шла об этом, сейчас особенно. Улучшить инвестиционный климат – это значит уменьшить всякие препятствия для бизнеса, понизить им налоги, независимый суд, понятное дело, ограничить коррупцию, в общем, все это известно.

ХХ: это то, что называется структурной реформой вроде как?

Р.Г.: нет, ну в том числе, это темная история со структурными реформами – что это такое. Это отдельно и вроде бы само собой все пойдет. Я не отношусь к этой школе мышления, я к другим отношусь, которые считают – это все хорошо, во-первых, это долго, это не произойдет сразу

ХХ: Во-вторых, человеческий фактор очень большой

Р.Г.: во-вторых, это условия может быть необходимые, многие из них, но недостаточно, ведь все убеждены в том, что главное препятствие в развитии экономики страны – это ее примитивная структура экономики и унижительная зависимость от динамики цен на нефть. Все понимают, а вот как решать – здесь уже разные подходы. Вот первый такой, что бизнес должен проснуться, а для того, чтобы он проснулся, ему надо помочь.

ХХ: а для того, чтобы помочь, нужны деньги

Р.Г.: нужны деньги, а денег нет, везде порочные круги. Другая школа мышления, к которой я принадлежу, я сразу же должен сказать, что она менее влиятельная, но более правильная. Она заключается в том, что ничего нельзя сделать в надежде на снижение инфляции, я еще забыл, что в первой школе мышления – там главная мантра – это снижение инфляции. Г-жа Набиуллина все время говорит, что надо до 4% снизить инфляцию, появятся длинные дешевые деньги и закрутится наша счастливая экономическая жизнь. Too beautiful to be true - Слишком красиво, чтобы быть правдой. Мы

считаем, что, то есть как нас назвать, по-разному называют – дирижисты, государственники, то се, мы считаем, что ничего нельзя сделать, не только в долгосрочном плане, но и в краткосрочном, чтобы экономику оживить невозможно без систематических государственных инвестиций. Хочу напомнить, что кризис у нас начался не в связи со снижением цен на нефть резким, и не как следствие девальвации рубля, а раньше начался, в конце 13-го года, а почему, потому что приостановились государственные мегапроекты, Сочи, например, остров «Русский» и все эти вещи, и надо сказать, что частный бизнес не перехватило, поэтому сегодня я думаю, что нет никакой альтернативы по государственным мегапроектам. Во времена кризиса всегда то происходит во всех странах и, похоже, что этим надо заниматься. Ну, у нас в стране нашей замечательной есть три потенциала, которые могли бы использоваться и он используется: первый потенциал – это природный, он используется на 100%, другое дело плоды как там происходят, но он используется, мы добываем много полезных ископаемых, продаем их остальному миру, получаем деньги, другое дело как мы там с ними – это другой вопрос, но он работает. Есть интеллектуальные потенциалы – еще инерция от прошлого, от проклятого советского времени, как говорится, что там была образование, наука, культура.

ХХ: То есть это реально, это не миф, выше, чем в ряде стран?

Р.Г.: нет, это не миф, есть много мифов, но в данном случае это не миф и этот интеллектуальный потенциал – второй, он тоже задействован, другое дело, что плоды его реализации идут в основном на Запад, но для юношей и девушек, которые соответствуют, так сказать, мировым стандартам, которые приняты в мире сейчас, они, слава богу, себя реализуют. Но, конечно, мало делается для страны, понятное дело, что остаются такие чудики, умники-чудики, но есть еще один, о котором я бы хотел сказать отдельно и который в моем представлении мог бы – это пространственный, у нас большая страна и мы, как сказать, зажаты - не зажаты, находимся между поднимающейся Азией и зрелой Евроатлантикой, Европой, прежде всего, и конечно, моли бы

использовать вот этот пространственный наш потенциал как мост между цивилизациями: и культурологически это правильно, но и еще чисто экономически материально, что транзит, подсчитаны разные варианты, и у нас в Институте мы считали, что если бы мы, например, построили железную дорогу от Владивостока до Лиссабона, или Роттердама... то где-то быстрее чем сегодня перевозится груз между Азией где-то раз в пять-шесть-семь. Конечно, это могло бы быть очень мощно – если бы высокоскоростная железная дорога была бы, я уже не говорю о мультипликативных разных позитивных внешних эффектах, стягивания страны – это всегда бизнес больше развивается, когда у вас много людей, если они друг с другом коммуницируют, потому что сейчас у нас плохо с этим делом, разряженное пространство.

XX: У нас европейская часть сама по себе, а на Дальний Восток или уда-то только лететь и к сожалению

Р.Г.: да, мало народу, то есть

XX: То есть это сильно экономическую активность снижает?

Р.Г.: да, 7 или 8 человек у нас на квадратный километр. В Европе выше, конечно, но все-таки это тоже наша земля. Просто я хочу подчеркнуть, что здесь, если началась вот эта стройка века, многие либералы или называющие себя либералами, потому что я тоже себя считаю либералом правильным

XX: Тогда давайте их по-другому как-то назовем, как можно охарактеризовать это первое направление

Р.Г.: я бы назвал – обожатели рыночной стихии, рыночники тоже нельзя, а как? У нас, понимаете, для нормальных людей рыночная экономика и нормальная экономика – это синонимы. Проблема в том, насколько вы его регулируете.

XX: Мы не говорим, что они ненормальные, у них просто

Р.Г.: нет, они, конечно, нормальные, но неправильно просто, они неправильно отражают действительность, они слишком полагаются на позитивную роль рыночных сил.

ХХ: Руслан Семенович, простите, пожалуйста, вот Вы назвали, по крайней мере, один проект, во-первых

Р.Г.: Еще есть высокоскоростные магистрали просто дорог, автомобильных дорог

ХХ: третий пространственный, так называемый, Вы считаете, что все-таки на него надо упор сделать в первую очередь, остальные как бы

Р.Г.: я думаю, что это был бы политически важный момент, потому что это устраняет всякие угрозы потенциальные там сепаратизма и всего такого прочего

ХХ: Почему это не делать, то есть казалось бы этот вариант не помешает при всех прочих, и при реформе суда и при реформе то, железная дорога не помешает, видимо все в деньги упирается или как?

Р.Г.: Я-то считаю, что деньги всегда найдутся, если есть политическая воля пресловутая. Дело в том, что риски есть, всегда возникают большие риски, когда вы начинаете какое-то большое дело. И всегда есть большие риски, когда вы ничего не начинаете.

ХХ: вот смотрите. У нас же есть опыт мегапроектов, как Вы говорите, он достаточно большой в последнее время, вот эти вот олимпийские стройки, остров Русский

Р.Г.: Но о нем спорят же? О нем спорят.

ХХ: Спорят, но тем не менее, начали-то решительно, ни на что не

Р.Г.: Вот Сочи, например, многие говорят, что. Я, например, за то, что это хорошо, вот я недавно там был опять, скажу, что новый город создан. Конечно, что-то в спешке делалось, там Олимпийские игры, но все это решается, конечно, трудно его использовать после Олимпийских игр

ХХ: А в чем тогда польза, если его использовать трудно?

Р.Г.: Ну потому, что нет инфраструктуры еще такой адекватной, хорошо, что там, то есть ничего хорошего нет, все-таки с Турцией у нас проблемы, с Египтом, народ, по-моему, этим летом, очень сильно будет ориентирован на Сочи и Крым, на Сочи, прежде всего.

ХХ: но Сочи, извините, мы строили в основном к Олимпиаде не на самом побережье, а все-таки

Р.Г.: Почему, на самом побережье, основная стройка там, Красная поляна, там гостиницы, жизнь, там можно кататься даже летом. Я имею в виду, что все это вызывает всегда споры, насколько вот такие крупные вложения себя оправдывают, себя окупают. Ясно, что в ближайшей перспективе это никогда не бывает, понятно, что это долгий процесс, но нам надо ведь, а мы живем все-таки сегодняшним днем, так случилось, что и рынок близорук сам по себе, почему у нас все развивается то, что быстро продается, ну вот топливо и сырье, гостиницы, сферы услуг, рестораны, потому что людям надо это каждый день, но много есть разных сфер жизни, где нужны долгосрочные вложения

ХХ: И там, в них должно действовать в первую очередь

Р.Г.: Да, и там, конечно, некому заместить государство, любим мы его, не любим, любим чиновников, чиновники там наши агрессивные, их много и они ищут для себя дело, кошмарят бизнес, как премьер-министр придумал это слово, это все так, но другого нет, надо менять содержание

ХХ: А еще какие-то могут быть проекты, или какие-то глобальные транспортные, или какие-то еще?

Р.Г.: Понимаете, здесь же важно, еще какие-то могут быть. Еще могут быть традиционные вещи. Я имею в виду готовые изделия, нам надо что-то все-таки производить, у нас что-то производится

ХХ: вот сейчас идет импортозамещение, лозунг этот

Р.Г.: Это другая тема немного, но я скажу тоже про нее, если Вам интересно. Я должен сказать, что наше слабое место это серийное

производство готовых изделий. Вот его мало, собственно говоря, когда мы говорим о примитивной структуре экономики, мы как раз это имеем в виду.

ХХ: Кстати, вот видите, серийное производство готовых изделий оно же окупается практически сиюминутно

Р.Г.: Да, но для этого нужно много чего сделать, чтобы потом оно окупалось

ХХ: Станки произвести какие-нибудь, которые у нас тоже не производятся.

Р.Г.: да, не производятся, это, конечно, грустная задача, ну и политически грустная и экономически, что атомная держава без или с примитивным машиностроением это, в общем-то, нонсенс и поэтому, конечно же, надо что-то делать. У нас очень хорошие вертолеты, у нас вагоны хорошие, но не совсем для высокоскоростных дорог, вот я знаю в Твери хорошие производятся в серийном формате вагоны, КАМАЗы, то есть грузовики у нас приличные, но этого мало всего, надо более широкую палитру иметь готовых изделий. Здесь нужна промышленная политика и нужно формировать приоритеты.

ХХ: А скажите, пожалуйста, сейчас вот, на сегодняшний день приоритеты не сформированы, то есть не решено каким именно способом

Р.Г.: в общем плане их называют приоритетами и даже вот в антикризисном плане это все сказано, там легкая промышленность, сельское хозяйство, транспортное

ХХ: Что-то слишком много как-то получается

Р.Г.: а это результат того, что мы в кризисе находимся, потому что помогать нужно всем, то есть вот эта политика – помогать всем практически, это как «всем сестрам по серьгам». И получается, что серег мало.

ХХ: Вы сами сказали, тушить пожар можно бесконечно.

Р.Г.: в краткосрочном плане – да, но

ХХ: Надо выбрать, как действовать, выбрать...но это большой риск.

Р.Г.: риски всегда есть, поскольку мы слишком долго полагались на рыночные силы, на теорию естественных конкурентных преимуществ, которые весть мир поддерживает – от Китая до Америки, что у вас хорошо получается – нефть, газ, удобрения, лес и пожалуйста

ХХ: Они в этом плане лукавили немножко

Р.Г.: Что значит лукавили? Они говорят, что есть международное разделение труда

ХХ: А сейчас-то в мире продолжают об этом говорить? О международном разделении труда?

Р.Г.: нет, сейчас другая история: сейчас каждый думает о себе в периоды такого, но правда и всегда так было, но в периоды уныния и нулевой или вялой активности экономической, она везде примерно вялая, то конечно же действует принцип простой: продать или умереть.

ХХ: Лозунг экономической такой глобализации с повестки дня снят?

Р.Г.: но, по крайней мере, никто не хвалит уже глобализацию, хотя в моем представлении она много принесла хорошего, две нации, из которой очень здорово пользовались плодами глобализации: Китай и Индия. Ну раньше же они вообще жили как попало там, а теперь 200-300 млн и в Китае и в Индии живут, как говорится, по-человечески.

ХХ: То есть без этой объявленной глобализации сами они такую активную политику не могли бы вести?

Р.Г.: если бы не было такой открытости. Это им принесло много хорошего.

ХХ: сейчас говорят, что мы, так сказать, наряду с импортозамещением, ну производить товары для внутреннего спроса, все-таки не это нас спасет, а спасут товары, производимые на экспорт. У нас как бы есть что-то, что мы можем производить уже, так сказать, в ближайшей перспективе? Производим вооружение и продаем успешно, зерно, еще что-то, могут быть товары, которые

Р.Г.: могут быть, конечно, если их поддерживать, если государство будет их поддерживать, хотя это очень сложная вещь. На самом деле, мы живем в мире двойных-тройных стандартов, надо с этим мириться, поскольку все в учебниках написано хорошо, что глобализация ведет к росту благосостояния всех, на самом деле, есть много разных нюансов, на самом деле, никто не заинтересован сегодня и сейчас никто не заинтересован в открытых рынках и если есть возможность помочь своим, то всегда приоритет для своих производителей. Это есть даже такой термин во внешней политике есть такое явление как «экономизация внешней политики», то есть в периоды более-менее хорошие, так сказать, отсутствие напряженности в отношениях между странами, сейчас-то она нарастает, а когда не было – вот это термин был. Чем дипломаты должны заниматься? Вот больше всего они должны заниматься продвижением своих собственных товаров на мировом рынке, это есть экономизация внешней политики. Мы начали сейчас этим заниматься, лучше поздно, чем никогда, это очень важно.

ХХ: и где-то уже преуспели?

Р.Г.: ну есть отдельные успехи, есть, но конечно, это еще пока одиночные достижения, этим надо заниматься. Я тоже, как и Вы, Вы сейчас это затронули - экспортозамещение для меня имело бы смысл, потому что мы не можем постоянно зависеть от цен на нефть, от капризов цен на нефть и, конечно же, лучше, чтобы в нашем экспорте хотя бы половина приходилась на готовые изделия или те же самые услуги – транспорт, например. Почему мы говорили об этом самом коридоре развития между Азией и Европой по территории России, потому что там как раз мы могли бы заместить наши, если не все, конечно, но очень много можно было бы заместить за счет того, что мы зарабатывали бы на перевозке грузов. И это как раз экспортозамещение.

ХХ: ведь идут разговоры о великом шелковом пути

Р.Г.: да, мы там тоже участвуем, вроде бы, там дело немножко темное пока

ХХ: Не очень активно

Р.Г.: Ну потому, что у китайцев есть свой план, они как бы южнее хотят построить этот путь и выход туда к Босфору

ХХ: хорошо, если бы мы стали строить вот как Вы говорите, соединять Запад с Востоком на территории России, инвесторы бы появились?

Р.Г.: смотрите, сейчас у нас такой мир, что люди не знают, куда тратить деньги, даже когда их много, вернее, особенно, когда их много. И поэтому, понимаете, инвесторы ведь такие, они видят всегда, если внутренние инвестиции идут, то подключаются и внешние. А это, собственно говоря, главная задача государственно-частного партнерства. Государство инициирует проекты, финансирует до какой-то части, и делает их вкусными для потенциальных частников, причем, иностранцев тоже.

ХХ: Руслан Семенович, простите, перебыю. Скажите, пожалуйста, в истории в принципе, в новейшей или в более такой отдаленной есть примеры, когда какие-то государства выходили из кризиса за счет четкой какой-то антикризисной стратегии? Именно государство какой-то план принимало и четко его придерживалось и выходило или все-таки большинство выходит тем, что переживает, где-то поджимается, где-то что-то, экономические условия меняются в мире и вроде как само собой все начинается.

Р.Г.: само собой ничего не бывает, всегда нужно целеполагание, целеполагание очень важно, Китай, США, Европа послевоенная – это все были проекты инициированные государством. Хрестоматийный пример это аэробус. Раньше в мире, я всегда беру в виде примера наши ошибки, мягко говоря, и их не ошибки, а наоборот достижения. В мире было до середины 70-х годов две державы с широко фюзеляжными дальними магистральными самолетами – это США и СССР. И теперь два, только СССР заменила Европейский союз. Вот они собрались руководители государств, без всякой концентрации централизации частного капитала как часто пишут, что вот там идет концентрация как бы снизу все, далеко нет. Вот они решили, вот есть

русские, есть американцы, у них есть самолеты, а мы почему не можем? Давайте мы тоже и договорились – разделение труда, почти как при коммунизме. Ты будешь делать крылья, ты моторы, ты то, ну я утрирую, и вот так Франция, Германия, вообще все держится на содружестве Франция-Германия. Им удалось, это проект, проект в рамках целеполагания. Частники участвовали, а государство инициировало.

ХХ: В принципе размеры страны, здесь они наверное работают не на нас, то есть в прямом смысле, в пространственно большой стране тяжелее выйти из кризиса, чем, невзирая на численность населения.

Р.Г.: Вообще в маленькой стране легче все, а когда у вас большая, поэтому она и предполагает несколько сколько у нас 9 или 10 часов зон. И конечно это трудно руководить в такой стране. Всегда возникает вопрос: как этой страной руководить, чтобы как папа – кулаком по столу или все-таки такая демократия, чтобы дать больше полномочий на местах, я так до конца для себя не решил, что лучше, но в любом случае похоже, что нельзя в крайности бросаться, с одной стороны

ХХ: Ну крайность видите, в какой-то степени большой проект, очень дорогостоящий это тоже крайность или Вы имеете в виду в политическом

Р.Г.: нет, крайность в политическом плане, либо вы даете слишком много самостоятельности регионам и они там начинают шалить, в пределе это стремление к выходу, к сепаратизму, а если вы только правите из Москвы, то никто ничего не делает, руководители ответственны только перед президентом, не обращают внимания на нужды людей, так просто только тушат пожары – это другая крайность. Это другая тема.

ХХ: Хорошо, вот если вернуться к тому, что вот Вы сказали, два крыла предлагают разные подходы, ну кто-нибудь конкретизирует до какой-то вот степени условно говоря, вот Вы, Вы предлагаете, что вот нужны какие-то проекты, Вы сами не можете взять на себя ответственность, я имею в виду не Вы лично, а Ваши сторонники, чтобы сказать, что вот нужно вот такие-то

проекты, ну допустим, предложить три на выбор, сказать – выбирайте, что они, допустим, просчитаны, у Вас есть как бы такое?

Р.Г.: Конечно. Коридор развития, мы еще делали в рамках РЖД при предыдущем президенте РЖД, потом есть организации, которые серьезно занимаются этими эффектами, когда будет проект реализован, когда он окупится, какие дополнительные, они есть

ХХ: Я имею в виду по антикризисному плану

Р.Г.: нет, это не связано с антикризисным планом, это было еще в период тучных лет.

ХХ: А вот по антикризисному плану, то есть Вы видите, есть какие-то ударные проекты, которые обсуждаются на повестке дня или все-таки борьба идет в области теории?

Р.Г.: нет, борьба всегда идет в области, борьба идет между лоббистами разных проектов, это всегда так, так и должно быть. Другое дело, что тут такая закономерность есть, что чем больше инстанций вовлечено в дискуссию, тем меньше вероятность ошибиться.

ХХ: А скажите, пожалуйста, вот допустим, у Сергея Глазьева есть идея, но она в принципе не противоречит, значит выпуск облигаций под какой-то конкретный проект и таким образом привлечение в экономику денег. Что это такое? Можете прокомментировать?

Р.Г.: у него много правильного, много неправильного, больше неправильного, я не буду вдаваться в его рекомендации, но у нас проблема ведь, многие говорят, что у нас денег нет, я категорически против, у нас много денег и главное, что их не расходуют. Ну вот если бы мы были с Вами банкиры и мы бы, например, и вот выстроилась бы очередь к нам за деньгами, кому бы мы давали деньги? Я думаю, что в теперешнее время – никому. Никому верить нельзя, что там у них получится, всем нужны деньги, все будут обещать, что они там вот то да се, а на самом деле, это и в тучные годы всегда проблема, тем более, когда у нас с начала нашей великой замечательной трансформации мы сделали крен в сторону импорта, это была

большая ошибка тоже, потому что всеми силами 70-десяти лет унижительных дефицитов была такая философия что ли – угодить потребителю, чтобы избавиться от этого комплекса старого. Комплекса продавщицы, знаете, вас много, а я одна, стойте и ждите, а теперь наоборот – другая крайность – потребитель вроде бы получил все через экспорт, это тоже абстрактно, потребитель - это 20% населения, 80 выживанием занимается.

ХХ: Их нельзя назвать активный потребитель, а как их можно вовлечь

Р.Г.: Ну, во-первых, они должны больше денег зарабатывать, это уже немножко другая тема.

ХХ: Ну все равно она связана.

Р.Г.: все в экономике связано, одновременно нельзя обо всем говорить.

ХХ: Если подвести итог, получается, что это должен быть какой-то масштабный проект или несколько проектов и предпочтительно, как Вы считаете, это сфера транспорта.

Р.Г.: структурные объекты, мосты, связывающее регионы, простые хорошие дороги между регионами – нет у нас, 15 тыс. км всего нормальной дороги.

ХХ: И сколько примерно на это потребуется денег, как Вы видите этот механизм, можете описать?

Р.Г.: ну как? Механизм известен, он очень простой.

ХХ: Зрителям скажите.

Р.Г.: зрителям я скажу. Если мы беремся за эти проекты, мы их сначала готовим и все просчитываем, ну и начинаем финансировать их

ХХ: Откуда?

Р.Г.: из бюджета.

ХХ: в бюджете сейчас денег мало, значит, занимаем на внешнем рынке, занимаем на внутреннем, резервный фонд, что мы делаем?

Р.Г.: абсолютно все надо использовать, иногда, я даже берусь это говорить, для России это очень рискованно, для теперешней России, где долларизация экономики, долларизация денежных обращений и

долларизация сознания сумасшедшая, нигде в мире нет, потому что у нас же ведь простая история: на фоне нашей неразберихи с рублем, когда возникают какие-то лишние деньги, то сразу возникает потребность как-то их сохранить, сохранить покупательную способность лишних денег, а лишних, правда, ни у кого нет, но у 25-30% есть, вот они мучаются: то ли в доллары, то ли в евро, то ли опять в рубли – вот это все ненормально. В тех странах, где нет такой горячки, в Европе, те, кто в евро живет, они вообще не думают о том, чтобы в доллары их поменять, что будет с евро – это стабильная валюта, у нас просто неправильная политика, которая абсурдна по своей сути, я имею в виду, допускать волатильность курса такую, но в значительной мере это объективно связано с нашей примитивной структурой экспорта. И поэтому капризы рынка отражаются, но я хочу сказать, что мы должны понять, что не может быть никакого оживления экономики без целеполагания, без какой-то программы. А что я имею в виду под программой? Например, если Вы наметили сделать к такому-то году, не просто смотреть в окно, что там будет, какой прогноз вы даете, как они занимаются все время, а во сказать, вы хотите сделать там

ХХ: Невзирая на то, будет солнце или дождь, я завтра пойду в калошах, например

Р.Г.: да, в калошах и Вы должны – я буду строить это дело, если у нас не хватает денег, надо их занимать

ХХ: Вы сказали, что надо подо что-то, главное, что мы не знаем подо что занимать.

Р.Г.: да, мы не знаем, что делать, потому то абстрактно идет разговор, вчера Президент об этом говорил, что деньги печатать просто нельзя, надо менять структуру экономики, легко сказать, так меняй. А она сама не поменяется.

ХХ: То есть не знают, на какую менять?

Р.Г.: знают, какой выбрать приоритет, опасаются, что деньги будут потрачены неправильно, мягко говоря, и это все очень законные опасения,

вот в чем дело, поэтому словно замерло все до рассвета. Мы все чего-то ждем.

ХХ: Тогда у меня последний вопрос: что Вам подсказывает ваше чутье экономиста, сколько нам времени отпущено вот так вот на ожидание? И что потом, что нас будет поджимать?

Р.Г.: если мы, если исходить из того, что, например, установилось более-менее длительное равновесие на мировом рынке нефти, в дохе будет совещание, в лучшем случае они договорятся о чем-то, цены опять подскочат, потом будет жульничать каждая сторона, добывать и продавать – это обычная история. Мы можем долго жить вот в этом прозябании, мы правда разные

ХХ: Без ущерба

Р.Г.: Ну как без ущерба, это глупость, конечно, если Вы не хотите, то есть Вы решаете так, вот смотрите, скоро будет отскок, теория отскока есть такая, ну как жили, так и будем

ХХ: Ну это то, что я говорила: может ли страна, не принимая никаких мер, просто пережить? Вы сказали, что это плохо кончается.

Р.Г.: очень резко может кончиться только тогда, когда в какой-то прекрасный день не понадобится нефть. Вот Тесла начала выпускать автомобили, это еще капля в море.

ХХ: Все-таки опять уперлись в нефть.

Р.Г.: да, абсолютно, я считаю, что это самое главное и если мы ничего делать не будем, то сама структура, сама с помощью рыночных сил, если даже их отпустить, если прекратить кошмаривание, то ничего все равно не произойдет без активной государственной политики и активных государственных программ

ХХ: То есть как таковое улучшение инвестиционного климата ничего само по себе не будет

Р.Г.: даже при самом идеальном инвестиционном климате и даже при самой минимальной величине инфляции, путь будет хоть 2%, хоть 3, о чем

мечтает наш геополитический партнер, у них дефляция, цены наоборот падают, даже при идеальной инфляции и при идеальном инвестиционном климате никакого изменения структуры экономики не произойдет. Только целеполагание нужно, которое

XX: Чем это чревато, то есть это и соответственно будет продолжаться застой.

Р.Г.: ну да, да. Нет, он даже может, вдруг можем представить себе, например, какое-то оживление, мощное оживление кругом и понадобится много нефти, тогда опять до 100 долларов, опять появятся деньги, опять не будем знать, что делать с ними, опять будем ждать черного дня, поэтому ничего не делать, как было, мы же ведь потеряли около, ну так нельзя сказать – потеряли, но все-таки страна получила где-то 1,5 трлн долларов, а то и побольше в тучные годы этих долларов, а что сделали такого? Ну вот Сочи, остров Русский, Олимпиада,

XX: Не знаю, можно ли считать таким масштабным проектом «Русский»?

Р.Г.: остров «Русский», тоже много потратили.

XX: Я имею в виду не по деньгам, а по эффективности.

Р.Г.: а эффективности, здесь такое темное дело, в долгосрочном плане может быть будет эффективность, в краткосрочном точно не будет.

XX: Руслан Семенович, все-таки напоследок свой вопрос повторю и конкретизирую: все-таки крупные страны, по Вашему мнению, крупные страны имеют четкую модель куда им двигаться сейчас или они плюс-минус, Россия в таком же положении?

Р.Г.: сейчас весь мир находится в очень неопределенном состоянии и уровень непрогнозируемости беспрецедентно высокий.

XX: нашим чиновникам нельзя пенять на то, что они не могут придумать такой вот антикризисный план, который четкий

Р.Г.: здесь есть одна вещь: каждая страна сейчас заботится о чем, о том, чтобы рост экономики был, потому что при росте экономики вы можете

мириться даже с неравенством, потому что если у вас немножко выросла, а у другого сильно, ну вы как бы завидуете, но вам все равно лучше.

ХХ: Кто-то из гостей наших сказал: страшно не большое количество бедных, а когда те, кто потихонечку богател, скажем так, становился состоятельным, перестают это делать, вот это плохо.

Р.Г.: я называю, триумфальный марш: из бедности в нищету, это плохо. Я просто хочу сказать нашу специфику, вот это важно, что те страны, на которые мы хотим походить, любим мы их, не любим, все равно мы туда смотрим. У нас в одном флаконе комплекс неполноценности и мания величия, мы все равно там смотрим чего. Вот у них структура экономики нормальная, они не заботятся, они заботятся только о росте, а еще глубже – они заботятся об одной вещи, чтобы все люди ходили на работу, чтобы была безработица нормальная и цены низкие, а у нас двойная задача: во-первых, мы не растем, а во-вторых, у нас примитивная структура экономики

ХХ: Хорошо, а мы можем за образец взять их структуру и на нее ориентироваться или это уже будет перебор?

Р.Г.: нет, конечно, мы не можем, мы не можем по всему фронту добиться такой же структуры. Еще раз повторяю, мой план такой, что мы должны заниматься в той сфере, в которой нет непосредственной конкуренции, мы сильно проигрываем по Китаю по потребительским товарам и мы не можем столько же много производить, нет ниш, они все заняли и мы не можем особенно бороться с немцами, со швейцарцами, с итальянцами, машиностроение, которое тоже далеко впереди, но тем не менее мы обязаны еще 10-15 брендов иметь таких аля Ноки или Самсунг или что-нибудь, для себя и для мира, это здесь мы можем выстрелить, но главная наша фишка – это стягивание территорий, инфраструктурные объекты, дороги, высокоскоростные железные дороги, высокоскоростные автомобильные дороги и я бы еще сделал большой упор на массовое жилищное строительство, потому что оно само по себе тоже имеет большие позитивные эффекты с точки зрения развития бизнеса и тоже как бы не

конкурирует, это не конкурирующая прямо сфера жизни. Вот здесь можно что-то делать.

ХХ: Спасибо Вам большое. Гостем нашей программы был Гринберг Руслан Семенович, который сказал, что козырем выхода из кризиса может стать освоение пространства России.